

ВЕТКА АКАЦИИ

Сорвали веточку акации,
Потусовались с ней часок
И обронили — нет в ней грации! —
На тротуарный солнцепек.
Уныло под шагами гулкими
Бетвь умирала. Но она
Стреляя сохлыми «свистульками» —
Разбрасывала семена...

«ВОСКРЕСНЫЙ» ПАПА

Полузабытая площадка.
Бордюров тонкий поясок
Ее кольцует для порядка.
Копает детвора песок —
Свое богатство рассыпное.
И там, на предвечернем зное
Мой пятилетний колобок —
Моя дочурка... В отдаленье
Свою милашку огляжу
И поскорее ухожу
За дом — еще не воскресенье!..
Боюсь: дочурка разберет
Мои неслышимые речи
И кинется ко мне навстречу,
И под машину попадет...

ДУРМАН

Дурман уже расцвел у низкого окошка
И как-то озорно за стекла заглянул.
И увидал меня: был удивлен немножко,
Что нет на мне листвы,— наверное, стряхнул...

Он словно говорил: «Во мне не много толку.
Тобою пощажен, пока еще живу
Среди других цветов, предчувствуя прополку.
Я разве виноват, что сорняком слыву?..»

Дурман улыбкою дарил мне полдень летний,
И стало в комнате янтарно и светло.
Он стебель протянул к моей руке приветной.
Его я не пожал — мешало нам стекло...

«ИГРОК»

И я когда-то
Играл в футбол.
И виновато
Кричал я: «Гол!..»
В свои ворота...
Смеялся кто-то,
А наш вожак
Бежал за мною,
Вручал, не скрою,
«Медаль» — тумак...

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Калеки-города в пыли и саже.
На стенах — тени испаренных душ.
Разноголосья странная пропажа —
Во все концы безжизненная глушь.
В оврагах — поезда и электрички.
Леса — полуобугленные спички.
Поверженные кряжи горных глыб.
Качаются на волнах сонмы рыб.
Пропыленный нещадно воздух рваный.
Безмолвия навек застывший миг.
И эти рукотворные туманы
Ползут с материка на материк...

* * *

Проповедник непрошенных истин,
Кто поверит, что ты бескорыстен?
Излечить своих близких хотел —

Стал ваятелем призрачных дел.
Ни один твой совет не приложен
К прозе жизни. Ты был слишком сложен
В простоте своей без воровства.
В невесомость ронял ты слова.
Что за дело другим до раздумий?
Не пристало нам жить среди мумий.
И на каждую мудрость веков
От любого ответа уж готов:
«Сбрось ярмо этих вечных вопросов,
Предавайся веселью, философ!..»
Боже мой, если б кто-нибудь знал,
Сколько бисера ты разметал!..

* * *

Разгар обычной вечеринки —
День ангела справляют мать.
И старомодные пластинки
Уже мы устаем менять.
Тасуют гости юмор черный,
Рассевшись чинно по углам.
Сосед вальсирует проворный
С женой дородной, как и сам.
Потом зайдутся в пляске бурной.
А молодежь карикатурно
Изобразит кордебалет —
Смешны ведь ритмы прежних лет!..
Хозяйка лишь сидит печально,
Омонументив край стола,
И слушает мотив страдальний.
Всю жизнь надеялась, ждала
Она красивой, дивной доли.
Не повезло. Судьба в юдоли
Швырнула горстку светлых дней,
Чтоб тут же позабыть о ней.
И мать по жизни шла несмело,
Одна растила дочерей.
...Опять Шульженко вальс запела,
Сбивались пары между тем.
Лишь мать задумчиво сидела
Не приглашенная никем...

СИРЕНЬ

Цвети, моя сирень,—
Пусть ветер изменяет
И не тебя ласкает,
Пусть на тебя бросает

Забор густую тень.
Пусть птицы не щебечут
С твоих ветвей о встречах,—
Цвети, моя сирень!..

Цвети, моя сирень,—
Пусть утренник гнетуще
Тебя нахолит пуще.
Хочу тебя цветущей
Я видеть каждый день
Как утром звезды-точки,
Поблекнут эти строчки,
А ты цвети, сирень!..

ЯМБ

Возвышенная дивная тональность,
Плен откровенья, мудрости гранит.
Иль — в кружевах оскомная банальность,
Помпезности игривость и овальность.
О, пятистопный ямб, что всех манит!..
За лакмус признает тебя пиит:
Тобою подчеркнет он гениальность
Иль невзначай бездарность обнажит...